

Татьяна ГРИБАНОВА

Грибанова Татьяна Ивановна родилась в 1960 году в деревне Игино Сосковского района Орловской области. Автор более десяти книг стихотворений и прозы. Произведения публиковались во многих литературных изданиях России. Лауреат ряда международных и всероссийских литературных премий и конкурсов, обладатель специального диплома премии «Прохоровское поле» и диплома национальной премии «Щит и меч Отечества». Член Союза писателей России. Поэт, прозаик, публицист. Живёт в Орле.

МОРОК (РАССКАЗ)

На дворе разгар Филиппова поста. В нашенской местности в эту пору должны бы набирать силу декабрьские трескуны. Но вот, поди ж ты! А ведь ещё пращуры декабрь месяц студнем прозывали. Видимо, в молодые лета на Руси так и было — декабрь лютовал. Нынче же чуток прищипнули холода на Екатерину Санницу, погрозились мало-малешки на Андрея Первозванного и — как корова их языком слизала. На излёте месяца, когда и до Рождества-то рукой подать, нежданно-негаданно небесная чумазая ветошка, занавесившая раскинувшуюся было в морозы голубень, пыхтела-пыхтела, тужилась-тужилась, но так и не сдюжила — продырявилась, и вот уже третий день как прорухивается из всех её незалатанных щелей наземь то сырой, гаденький снег, а то в очерёдку и вовсе проливенный ознобкий дождь.

Может, и всё бы ничего, но к этой сопливости напросился в сотоварищи ветер. Кто

испытал на собственной шкуре, не даст соврать: мокрый, к тому же, северный свистун — это вам уже не фунт лиха, а целый пуд, или, коли осатанеет он до беспредела, может стать, обернётся и вовсе, как сказала бы моя бабуля, берковцом.

Морок этот настолько прополз, проник во все закоулки двора и округи, — упаси Божечка, прокрадётся в душу! — что начинаешь невольно сомневаться: а перебедуешь ли вообще эту непогодь? Объявится ли, проберётся ли когда-нибудь сквозь эту морось и стынь солнце?

В комнатах темень непроглядная, — как тут быть? — я без света прям-таки задыхаюсь. Брожу в полумраке, словно в каком-то потустороннем мире, сомнамбула сомнамбулой. А ворох начатых дел, заваленный черновиками стол не позволяют прохлаждаться. И потому все настольные лампы и торшеры полыхают с утра до вечера. Кофеварка же, то ли набивая себе

цену, то ли притворяясь из вредности, или просто из-за усталости начинает отлынивать от своих обязанностей, устраивает кухонные скандалы: плюётся и чихает на все мои дела, на то, что в эту сонливую погоду я без её помощи, как без рук.

К тому же совершенно не позволяет работать кот: только я за стол, он прокрадывается ко мне на колени и, угревшись, умудряется заводить в это грустное время такие переливистые, тягучие, напоминающие старинные песни, муры, что сбивает меня с мысли, и я невольно начинаю прислушиваться к извечным мотивам его племени. Пробовала: даже если этого лежебоку выпроводить со своих колен, он всё равно пристроится где-нибудь невдалеке — или уляжется, словно на печку, на разогревшийся от работы принтер, или заползёт под пуховую шаль, что оставила я в кресле. Когда хлещут по стёклам ветки сирени, когда порывами ветра швыряет пригоршни ледяных капель, толстопятый трус только подле меня и может предаваться своему излюбленному занятию — просматриванию гастрономических снов.

Все стёжки и тропинки, сикось-накось натоптаные после снегопадов, что обильно просыпались было за неделю до солнцеворота, смыло, словно их и вовсе не бывало. Крома, будто и не река, а какой-то простуженный, изголодавшийся дикий зверь, пережёвывает в своей утробе слегка сдобренную, присоленную щепотьями снега у тростниковых берегов густоющую, схожую с помоями бурду.

Нахохлившиеся воробьи и синицы попрятались под стрехи. Сшумнут на сенной стог, что шапкой-мамайкой обронился за старым амбаром, пошныряют меж волглых, но всё ещё дышащих июньскими зорями былинки, почупахаются в просыпавшейся у подножия копёшки мякине, чуток, значит, подкормятся и скорёхонько восвояси. Видимо, своего, воробьиного, гриппа пугаются. И только приладившимся в последние тёплые зимы не улетать на зимовку галкам да воронам нипочём — бродят себе промокшими головешками по почти обеснеженному просёлку в поиске добытки, переговариваются, копошатся в оброненных проехавшими санями соломенных хоботьях.

В такую мокрень на улицу малочисленные жители округи тоже особо не высываются, разве что по великой нужде. А какая такая на хуторе в эту пору нужда? Коли сподобился запастись продуктами, так уж лучше переждать, пока снова погоды войдут в свою привычную колею. Тогда, выходя за калитку в известный час, можно опять встречать почтальоншу или «вовсе онемевшую от безлюдья», соскучившуюся по человеческой речи тётку Марусю. Правда, последней и десять вёрст — не крюк, и распогоды никчёмные — не преграда.

Придёт обычно, расчаёвничается, уж говорит-говорит, не наговорится, так и мелет, так и тарабанит, будто твоя мельница. Ну, так ведь сколько не видались, «даже засумливалась, не отсох ли в одиночестве за ненужностью язык».

Нет, с пустыми руками не приходит. Как же? У нас так не принято. Всё ж таки в гости шла, а потому всегда причепурится — новый подшалонок с-подо дна сундукового вынет, «а про что беречь-то, какие—растакые у нас туточки праздники?», и о калиновке своей не позабудет.

Вот и сегодня явилась, к тому же со своей провизией. Только почему-то в чёрном полушалке. Вошла, поздоровкалась, на божничку перекрестилась и прямиком — к столу. Сняла с заплечной палочки завязанную узелком клетчатую шалку, растормошила репушок, вынула заткнутую газетным обрывком поллитру, выставила «люминиевую» миску с мочёной антоновкой, другую — с бочковыми, щедро сдобренными чесночком, укропными зонтиками да вишенником дробненькими, что твой советский рубль, рыжиками. Застеснялась, всплеснула руками: вот, мол, и все гостинцы-разносолы.

Улыбаюсь: «Пост же, тётъ Марусь!» А её за просто так не возьмёшь! «Ну, дак постная в бутылки-то, ай сама не ведаешь? — будто невдомёк ей мои слова, — не из поросятины ж? Мы по маааахонькой, не усугубляя».

И я откладываю в сторону свои задумки, закрываю ноутбук, поскольку, если тётке Марусе понадобилась «живая душенька», если она протопала «с того конца света», из такой же, как наш хутор, опустевшей деревушки в свостоженных специально для такого бездорожья самопальных бурках столько вёрст, с моей стороны было бы

даже непростительно не уважить старушку. К тому же, что греха таить? Эх, и охочая до её антоновки! Да и калиновка, — тоже не утаю, — не раз опробована, могу, не колеблясь, подтвердить: до последней капли как есть постная.

Оглянуться не успеешь, в холодное время, не смотри, что зима дала передышку, — с крыши капает, ближе к вечеру явственно ощущаешь, что пора растапливать: старенький отцовский домишко без мужского догляду всё меньше бережёт тепло, всё больше требуется топли для его обогрева, для поддержания в нём жилого духа.

Я и зиму-то по большей части люблю из-за печки. Особенно вечера. Пощёлкивают полешки, их отблески, словно шустрые золотые зайцы, скачут по полям вылинявших цветастых обоев; озаряют большую застеклённую, в деревянной раме картонку, на которой рядом наклеены уже потраченные временем фотокарточки моих родичей. Чудится, что и они, дорогие моему сердцу, согреваются этой жаркой песней берёзовых дровишек, что завсегда вместе со мной прислушиваются к рассказам тётки Маруси: к последним деревенским новостям и сплетням, к былям и небылицам нашей округи; вместе со мной и гостьей смеются простецким радостям, печалуются, когда вдруг закручинится, завсхлипывает тётка Маруся, рассказывая о своих душевных болях.

— А я к тебе нынче припёрлась с такой дали неспроста, — налив по первой, по-смурнев, признаётся вдруг ни с того ни с

сего старушка, — считай, на поминки при-топала... Ить одной как-то не с руки... дак и ты должна тожить помянуть. Помнишь Витьку, племяша мово? Ну? Ещё мальчонкой, как приезжал, к вам со мной заходил?.. А Вовчика Спиридонова тожить знавала? Царство им обоим Небесное!

— Так, тётъ Марусь, постой, постой... ты уж растолкуй сначала, коли к такому случаю нынче пригодилась твоя наливка. Что стряслось-то? — ставлю я рюмку, обескураженная таким поворотом дела.

— Дык что, что? Поубивало ребят на Украине... вот и весь сказ... Нетути больше ни Витьки нашего, ни Нинки Спиридонихи Вовчика. Наш-то даже обжениться ещё не успел... Дааа... А у Вовки мальчонка годовалай остался... Сиротинка и папку не успел запомнить... Так-то.

Тётка засморкалась, заутиралась. Задумчиво притихла. А я и не торопила. Чего приставать? Сама распахнётся, затем ведь и пришла. Видать, тяжко ей горе в одиночку переносить.

— Нас ведь три кровных сестры, — выдохнув, продолжила старушка. — Одна в Калининграде, Тосей звать, другая, Вера, Витькина мать, значит, в Киеве ещё по девичеству обосновалась. Ну, и третья, старшая, буду я, весь век на корню пробедовала. Дочки мои разлетелися за мужьями так далёконько, что незнамо, где обретаются. Ажни в сибирской Сибири. Сам, ты же знаешь, уже пять годочков как на Поповке. Да разишь он тока?.. Степановка наша наущал опустела, выйду ночью до ветру —

окромя мово, ни одного-разъединого око-нушка не теплится.

А горе у нас, касатка, нынче большое, прямо сказать, неподъёмное горе... Бывало, спрошу в письме у Верочки: мол, как там Витя-то? А она не очень прописывала: мол, всё у него нормально, только часто в командировки посылают. Я вот думаю, может, и она не знала, в какие-такие командировки сына её посылали?.. А был он у нас военный, по отцу своему пошёл... и тот в своё время служил, значит...

Месяц назад почтальонша пришла, вся сама не своя, рассказывает: мол, в Денисовку Вовчика Спиридонихина с Донбассу в закрытом гробу доставили. Спиридониха так надрывалась, что, кажись, рассудком тронулась — один он у неё, Вовчик-то, был. На Наташку, жену, значит, и смотреть страшно: почернела, хоть самое рядом с мужиком в гроб клади.

Была я на тех-то похоронах... Как не пойти?.. Разишь можно? Народу сошлось, со всей округи! Ох, лучше я тебе рассказывать не стану, а то чичас опять в грудях запечёт... Да, приезжал какой-то при погонах. Дóбро говорил про Вовку. Мол, герой у Вас, родители, сын... мол, гордись, Наталья, мужиком своим, а малец в ум войдёт, и ему про папку всё растолкуй: не абы как сгинул, фашиста-нехристя бил.

Ну и вот, значит... А через неделю опосля тех-то похорон позвонила мне сестрица средненькая, с Украины. Только и сказала: мол, погиб Витя. Хоронили как надоть, с почестями, гроб накрыли украинским

флагом, приезжали большие начальники. И, оказывается, у племянника аж четыре ордена было. Тоже речи говорили, мол, герой, Вера Петровна, Ваш сын, сам президент Зеленский выражает Вам соболезнование... Я так думаю, был наш Витёк на особом счету у командования. Сестра только на похоронах и узнала: оказывается, служил он в десантных войсках. И с четырнадцатого года воевал в самом пекле. В тех-то самых командировках. Так иначе, сама прикинь, откуда бы столько наград?... Герой, значит... заслужил...

Ну, как бы там не было, а племяша жалко, всё ж таки родная кровь. Да и сестрицу жалко. Это легко сказать, а как вынести такое? Не приведи Господь, врагу ведь не пожелаешь детей своих пережить...

Ну, подставила я табуретку, залезла на неё кое-как да выудила из-за образов вузелочек с пензией. Откладывала про чёрный день.

И, как снова явилась почтальонша, передала ей, даже не развязавши тот-то вузелочек да конверт с Вериним адресом, чтоб поскорей ей переслала — сестрице сейчас деньги, небось, нужней мово. У по-

чтальонши, знала, какие-то родичи, через каких-то других своих родичей бывают, вроде, как через Молдавию в Киеве.

Передала, значит, денежку на помин Витькиной души, и спустя время Верочке позвонила: мол, крепись, родная, я тута тожить по племяшу переживаю, волнуясь и за неё. А ещё обмолвилась о том, что недавно была на похоронах Спиридонихина Вовки. Вера дружила с Нинкой, Вовкиной мамкой, со школы, по молодости были не разлей водой.

И что бы ты думала? Вера-то ни полсловечка не упомянула, дошли ли мои деньги... Наверно, дошли... Не до них ей было, всё кляла, проклинала сестра самыми последними словами и подругу свою закадычную, и сына её Вовку, которому, кстати, крёстной доводится. А уж какими словами Россию крыла, так я таких заковыристых матюгов и отродясь не слыхивала!..

И о чём мне теперя с ней толковать... коли вообще придётся свидеться? И в ум не возьму... Может, ты, милая, знаешь? Затем-то и шла нынче к тебе... Ну дак помянем ребят, Царствие им Небесное!